

1952
Ш.14 АБДУЛЛА ШАИГ
ВОТ МЫ КАКИЕ

с/Аз/2 173336
м.п. Ш/17 Уланов А.
Вот мы какие.
1984 25к.
2800 -- 28/11-2003
6.09 - 18.11.15

АБДУЛЛА ШАИГ

ВОТ МЫ КАКИЕ

Азербайджанская Республиканская
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
имени Ф. Кочарли

Инв. № 173336

2015 год

ГЯНДЖЛИК
БАКУ
1984

173336

3 2
1 16

СТИХИ

Абдулла Шаиг

Ш16 Вот мы какие. Гянджлик. Б., 1984 — 84 стр.

В настоящий сборник классика азербайджанской литературы Абдуллы Шаига вошли стихи для малышей, широкоизвестные поэтические сказки, — «Тук-Тук ханум» — о гордой и капризной стрекозе, «Лиса отправляется в Мекку», — сказка про то, как обманула доверчивого Петуха Лиса, прикинувшись святошей и др. В сборник включены также рассказы «Письмо не дошло» и «Кочевка».

70802

Ш-----170—84
М 653 (12) — 84

4803010200

Аз 2

© «Гянджлик» 1984

РЕКА КУРА

Эй, Кура,
Ты куда?
Ты куда бежишь, Кура?
Наше поле, сад и дворик
Поливать тебе пора.

Эй, Кура,
Ты куда?
Холодна твоя вода,
Нам в воде не будет жарко —
Нас купать тебе пора!

Эй, Кура,
Ты куда?
Не играй одна с утра.
Вместе с нами, вместе с нами
Поиграть тебе пора.

ГВОЗДИКА

Погляди-ка, я — гвоздика,
Не сирень, не резеда.
Я — гвоздика, погляди-ка,
Я — садовая звезда.

Я гуляю в платьях разных —
Белых, розовых и красных.
Я — любимица цветов.
Садоводов и садов.

Не вьюнок, не повилику
Ты, срываешь, погляди...
Ты сорвёшь цветок гвоздику
И приколешь на груди.

ОСЕНЬ

Облетают засохших цветов лепестки,
Дует ветер осенний над гладью реки,
Тучи небо окутали шалью своей.
День проносится быстро, а ночь всё длинней.
Брызжет дождь, опустился туман на поля.
Молчаливой и хмурою стала земля.
Машут крыльями птицы, летят без числа
В те края, где зима, словно лето, тепла.

ПАСТУШОК

Вот коров пасет Дадаш,
Пастушок веселый наш.
Рядом пестренький, шенок —
Все глядит на узелок,
В узелке несет Дадаш
Сыр, завернутый в лаваш.

Сдвинет на глаза папаху,
Стукнет палкою с размаху.
Стадо весело пасёт,
Громко песенку поёт:
«Эй, зелёный пырей,
Подрастай-ка поскорей!
Добрые коровушки,
Ешьте вволю травушки.
Приготовьте молока
К завтраку для бабушки».

...Есть у бабушки Фаты
Два ведра и две верёвки!..
Это знают все коровки
и жуют до темноты.

СОЛОВЕЙ

Песню, соловей мой,
Пой,
Пой
Утренней порой
Весной!

Ой,
Как нам слушать хорошо
Колокольчик — голос твой!

Только ты рассыпал
Трель-трель —
Шишки уронила
Ель-ель.
Как заслушалась тебя
В голубой реке форель!

Начинай же снова:
Щёлк-щёлк!
Стелют в поле травы
Шёлк-шёлк.
Стало б грустно на земле,
Если б ты сейчас умолк.
С листка росинку
Пей-пей!
Гнездышко на ветке
Свей-свей!
Выводи своих ребят —
Голосистых соловьят.
Развернётся новый
Лист-лист
Разнесётся новый
Свист-свист.

А когда мы тоже подрастём
Станет соловьянок.
Соловьём,

ПЕТУХ

Ах, как красен гребень твой, петушок!
На заре погромче пой, петушок!
Не проспи! Прилежным будь, милый мой!
Разбудить нас не забудь, милый мой!
Раньше всех всегда вставай, мой петух,
Спать лентяям не давай, мой петух!

КОЗЕЛ

Ты где, мой козлик малый,
Рогатый мой козёл?
Не лазай ты на скалы!
Зачем туда пошёл?
Там волк гуляет часто.
Далёко ль до греха!?
Хлопот тебе задаст он,
Коль бросишь пастуха!

БАРАШЕК

Угодил барашек в яму.
Потерял барашек маму.
Плачет целый день упрямо:
«Где моя овечка-мама?»

— Не беги, барашек, прочь!
Я могу тебе помочь.
Я могу тебя спасти
Буду сам тебя пасти.

Вот и солнце закатилось
Стадо с поля воротилось.
То-то шуму,
То-то гаму.
А барашек ищет маму.

— Не беги, барашек, прочь!
Я хочу тебе помочь.
Я хочу тебя спасти,
Буду сам тебя пасти.

По дворам разводят стадо,
Подоить овечек надо.
Только слышен крик с крылечка:
«Где ты, мамочка-овечка?»

— Не беги, барашек, прочь!
Я хотел тебе помочь.
Я хотел тебя спасти,
Сам хотел тебя пасти.

А барашек — брык ногами
И бегом к овечке-маме.
И уткнулся сосунок
В добрый, теплый
Мамин бок.
Я хотел его спасти.
Сам хотел его пасти.

Среди маков машек
Погулять пашек.
Серый козёл тался —
Он его не жодать.
Стал он жодать.
Стали прыгать и играть.

— Не беги, барашек, прочь!
Я могу тебе помочь.
Я могу тебя спасти,
Буду сам тебя пасти.

ИГРА В МЯЧ

Хоп! Хоп! Хоп!
Мы играем в мяч.
Топ-топ-топ!
Мы несемса вса ачь.

Бей, бей, бей
По мячу сильней!
Эй, эй, эй,
Убегай скорей!

Вверх, вверх, вверх
Мяч подбросишь раз!
Эх, эх, эх,
Не догонишь нас!

Скок-скок-скок —
Дружный топот ног.
Стоп! Стоп! Стоп!
Стой, замр жок!

Кон, кон, ко
Кончится на ком,
Тот, тот, тот
Сразу выходи!

Счёт, счёт, счёт...
Ты теперь води.

Хоп! Хоп! Хоп!
Славная игра!
Хлоп! Хлоп! Хлоп!
Ура! Ура!

ВОТ МЫ КАКИЕ

Рано утром я встаю —
Сразу щётку достаю,
А потом, потом, потом
Чищу зубы порошком.
У меня блестят они!
Ты не веришь? На, взгляни!
Посмотри, у нас, у всех!
Зубы белые, как снег!

ПЕСНЯ КУЗНЕЦА

Так, так, так... Тук, тук, тук...
Вольный труд — наш верный друг!
Он приносит радость нам,
Нам задорным кузнецам.
Горячи у нас сердца,
Крепки руки кузнеца.
День и ночь своим трудом
Счастье Родины куём.

СКАЗКИ

ТУК-ТУК ХАНУМ

Я сегодня сказку, дети,
Всем намерен рассказать...
В одиночестве на свете
Проживала стрекоза.
Сшила раз она из лука
Для себя чадру шук-шук,
Из ореховых скорлупок
Туфли сделала тук-тук.
Вся обрызгалась духами,
Брови тонко навела,
Перед зеркалом глазами
Вправо-влево повела,
Приосанилась немного,
— Ах, — сказала, — грусть-тоска!
И пустилась в путь-дорогу
Друга верного искать.

* * *

В поле, песню распевая,
На холме сидел пастух.
— Ты куда? Ты кто такая?
Погоди! — сказал пастух.
Стрекоза, с большой сноровкой
К пастуху направив шаг,
Черной бусинкой-головкой
Повертела так и сяк.
И, кривя усмешкой губы,
Говорит: — Открой глаза
И не будь со мною грубым
Видишь сам — я стрекоза!

— Ну, ярости! — пастух ответил, —
Поднимать не надо шум!
Расскажи, куда по свету
Ты бредешь, Тук-Тук ханум?
На него взглянувши смело,
Хороша и весела,
Та головкой повертела
И бровями повела,
А потом сказала ясно:
— Жизнь, голубчик, коротка.
Одинока я ужасно
И хочу найти дружка!
— Ты себя напрасно мудишь.
Обыщи хоть все края,
Но на свете друга лучше
Не найти тебе, чем я!
Я заботлив — видит небо —
Буду я тебя жалеть,
Без тебя кусочка хлеба
Я не съем, поверь мне, впрямь.
А Тук-Тук-на речь такую
Пастуха спросила вдруг:
— Ну, а если рассержу я,
Не побьешь меня, мой друг?
— Как же! Вот моя дубинка! —
Отвечал с охотой он...
И, вильнув в испуге спинкой,
Стрекоза убралась вон.

* * *

Дальше шла она дорогой,
Смотрит — лис навстречу ей.
— Подожди! — взглянул он строго,

Отвечай-ка мне скорей,
Почему принарядилась
Так как будто под венец?
И зачем ты в путь пустилась? —
Молвил рыжий молодец.
Стрекоза с сердитым видом
Повертела головой
И ответила с обидой:
— Будь позорче, милый мой!
Для чего вопросов груду
Задаешь мне наобум?
Знаменита я повсюду;
Я зовусь Тук-Тук ханум!
— Ну, ханум, меня прости ты, —
Лис с улыбкой отвечал, —
Ведь красотки знаменитой
До сих пор я не встречал.
Но теперь тебя я вижу
И красу твою постиг.
Если я тебя обижу,
Пусть отсохнет мой язык!
О прелестное создание,
Расскажи, куда идешь?
Для меня твое молчанье —
Словно в сердце острый нож!
— Милый лис! — Тук-Тук сказала —
Жизнь ужасно коротка.
Жить сироткой — счастья мало.
Я ищу себе дружка!
Лис тогда еще нежнее
Говорит: обшарь кругом
Не найдешь меня вернее.
Быть дозволю твоим дружком.
Просьбу выслушав простую,

Стрекоза спросила вдруг:
— Ну, а если рассержу я,
Не побьешь меня, мой друг?
— Нет! Не вылечишь пинками
Попрыгунью стрекозу,
Лучше я тебя зубами
На кусочки разорву!
Стрекоза тогда в тревоге,
Словно листик, затряслась,
И скорей — давай бог ноги! —
Без оглядки унеслась.

* * *

Шла Тук-Тук, расправив плечи,
Все вперед, вперед, вперед.
И заметила — навстречу
Суслик-бей, сопя, идет.
Лапкой издали ей машет,
Уши сразу наострил
Путешественницу нашу
Сладким голосом спросил:
— Темнокудрая красотка,
Ясноглазая звезда!
Что за стан! Что за походка!
Что за ножки!.. Ты куда?
Восхитительная фраза
В сердце ей влила шербет,
И, вуаль отбросив сразу,
Говорит она в ответ:
— Одинокой жить так тяжело,
Жизнь ужасно коротка!
И мечтаю я, бедняжка,
Отыскать себе дружка.
Улыбнувшись ей пошире,

Отвечает Суслик-бей:
— Лучший друг я в целом мире,
Не ищи других друзей!
— Хорошо! Пойду с тобою,
Лишь одно ты мне ответь:
Если я тебя расстрою,
Ты не схватишь сразу плетть?
— Что ты брось свои тревоги!
Как бы ты ни злилась, я,
Хвост убрав с твоей дороги,
Буду кроток, жизнь моя!
И тогда ему с любовью
Отвечала так Тук-Тук:
— Хороши твои условия.
Я согласна. Ты — мой друг!
И за лапки взявшись дружно,
Стали жить они вдвоем.
В доме бея все, что нужно,
Полон лакомств бея дом.
Как-то осенью туманной
Верный друг сказал Тук-Тук:
— Нынче праздник в доме хана.
Он позвал меня, мой друг.
Будут там шашлык, лепешки,
Пахлава, рахат-лукум...
Я пойду, а ты немножко
Поскучай, Тук-Тук ханум.
Стрекоза сказала: — Ладно!
Посижу уж как-нибудь.
И о яствах грезя жадно,
Суслик-бей пустился в путь.
Во дворец явившись хана,
Он забрался в уголок,
Грыз там косточку барана,

Пахлаву и пирожок,
Вытирал усы бумажкой.
О Тук-Тук мечтал своей:
— Жаль, одна она, бедняжка!
Отнесу покушать ей!

* * *

Стрекоза же, в норке сидя,
Поскучала час-другой,
А потом в большой обиде
Вышла в лес, на водопой.
Захотелось ей напиток.
Долго ль, коротко ль идти —
Ямка, полная водицей,
Ей попалась на пути.
Над водою наклонилась
И упала в ямку вдруг...
— Ай, тону!.. — что было силы
Машет лапками Тук-Тук.
Ой, я плавать не умею!
Ай, спасите поскорей!..
Плач бедняжки все сильнее,
Но не слышит Суслик-бей.
Вдруг — внезапная надежда:
Скачут двое вдоль межи.
В серебре у них одежда,
Видно, к хану путь лежит.
А Тук-Тук ханум, рыдая,
Бултыхается в воде.
И кричит: — Я утопаю!
Помогите мне в беде!
Поскорее к хану мчитесь,
Там пирует Суслик-бей,
Пусть узнает славный витязь
О лихой судьбе моей!

Ездоки коней сдержали,
Осмотрели все кругом,
Никого не увидали
И помчались к хану в дом.
Время быстро пробежало
И пришел пути конец.
Соскочив с коней усталых,
Входят оба во дворец.
Все весельем так кипело
И сверкало огнями зал...
— Удивительное дело! —
Вдруг один из них сказал. —
Пять минут назад, не боле,
Мы проехали лесок
И когда скакали в поле,
Слышим чей-то голосок.
Он нас звал, кричал с тревогой,
Про какую-то беду.
К сожаленью, тов не много
Было слышно на ходу:
— Поскорее к хану мчитесь
Там пирует Суслик-бей,
Пусть узнает славный витязь
О лихой судьбе моей!
Мы коней попридержали,
Стали путника искать,
Никого не увидали
И пустились в путь опять.
Про беду своей подруги
Услыхавши вдруг молву,
Суслик бей в большом испуге
Сразу бросил пахлаву,
Позабыл про вкусный ужин,
Из дворца помчался вон,

Добежал, вспотев, до лужи
И услышал слабый стон.
Было много в этом стоне
И отчаянья, и мук...
Понял он, что это тонет
И зовет его Тук-Тук.
Крикнув: — Здесь я! — он поближе
К страшной ямке подскочил
И увидел в грязной жиже
Стрекозу совсем без сил.
Растопырив в страхе ножки,
Задыхаясь и кряхтя,
Легкомысленная крошка
Погибала не шутя.
Сев у ямки на дороге,
Перегнувшись через край,
Суслик-бей сказал в тревоге:
— Ну-ка, лапку мне давай!
Но с отчаяньем во взоре
Стрекоза кричит в ответ:
— Нет, не дам! С тобой я в ссоре!
Ты причина этих бед!
Ты меня одну оставил
И пошел на праздник сам,
Ты тонуть меня заставил!..
— Дай же лапку!.. — Нет, не дам!
— Не сердись! — И знать — не знаю!
— Дай скорее лапку!.. — Нет!
— Ты же гибнешь, дорогая!
— Ну, и пусть! — она в ответ.
— Брось капризы... Я ведь рядом!
Я спасу тебя!.. — Не смей!
— Не желаешь — и не надо!
Рассердился Суслик-бей;

— Я упрашивать не стану!
Плюнул в воду он в сердцах
И пошел обратно к хану:
Пировать — так до конца!

КТО ХИТРЕЙ

За полями, там, где высится скала,
С давних пор лиса голодная жила.
Эта подлая воровка с юных лет
Испытала очень много разных бед.
Чуть заметит где добычу — хвост торчком,
И бросается в ту сторону бегом.
Если птицу замечала вдруг вдали,
Сразу слюнки изо рта ее текли,
Так хотелось ей на дерево попасть
И наестся этой самой дичи всласть.
Но, к несчастью, не достать туда зубам!
Лисье сердце разрывалось пополам,
Оставалось только косо вверх взглянуть
И, вздыхая, продолжать свой грустный путь.
Иногда мечтала с голоду лиса:
Ведь бывают же на свете чудеса!
И, глаза зажмурив, три часа подряд
В мыслях видела откормленных цыплят.
Вот клюют они пшеницу перед ней
И пищат все веселей и веселей...
Но открой глаза — цыплят в помине нет.
Только лапу пососешь — и весь обед!
И лиса скулила жалобно тайком
И от ярости худела с каждым днем.
Все старанья были тщетны... Где уж там!
Зря лиса искала жертвы по горам,

Зря спускалась за добычей на поля,
Зря ходила вдоль дорог, хвостом пыля.
А настанет ночь — уляжется в овсе
И заснет, и снятся куры вновь лисе.
Как-то раз совсем тоскливо стало ей,
Мысли были все унылей и темней.
В голове неслись обрывки черных туч,
Но неожиданно вдруг мелькнул надежды луч.
Склон горы она припомнила в тот миг,
Ствол чинары перед ней в мечтах возник.
Белый аист свил гнездо себе на нем,
Там она уже птенцов видала днем.
Каждый птенчик — жирный, толстенький малыш.
На обед весьма хорош такой глупыш.
Надо будет что-нибудь изобрести,
Чтоб найти к гнезду желанному пути.
Тот, кто ищет, тот в конце концов найдет!
Достает лиса пилу себе, и вот,
Подойдя туда, где аист жил с семьей,
Говорит ему качая головой:
— Аист-папа, слезь-ка с дерева живей!
Строй себе гнездо среди других ветвей!
Это поле, этот холм и этот лес —
Для меня большой имеют интерес.
Мне оставил их в наследство мой отец.
С голодухи я решила, наконец,
Что займусь теперь продажей чинар.
Вот сплыву ее, отправлю на базар,
Заработаю хоть несколько монет
И куплю себе цыпленка на обед.
Ну-с, приступим! — и лиса с усмешкой злой
Стала дерево пилить своей пилой.
Аист в ужасе издал невольный стон,
Был, как видно, перепуган очень он,

— О, — взмолился он, — не надо, госпожа!
Ты меня резать хочешь без ножа.
Аистят моих несчастных пощади,
Погоди пилить чинару... Погоди!..
Ведь пока еще малы мои сынки,
Без хвостов они, и крылья коротки.
Если их лишит родимого гнезда,
Пропадут они, наверное тогда!
Сверху падать очень вредно для птенца,
Пожалей меня, несчастного отца!
Мне не вынести подобных передряг!
— Нет! — ответила лиса, — нельзя никак!
Сколько дней уже, как голод я терплю.
Приготовься. Через пять минут спилю.
И опять вонзила в ствол зубцы пила,
И чинара сотрясаться начала.
Аист бедный не сдержал потока слез,
Дело, видимо, пошло уже всерьез!
— Не спеши, о госпожа!.. Повремени!..
Для меня чинару эту сохрани.
Ведь птенцов судьба, как дар, послала нам.
Одного я, так и быть, тебе отдам!
Утоли свой голод им и прочь ступай.
Сердца нет в тебе, убийца, так и знай!
Услыхав, что обещает аист ей,
Стала лисанька как будто добрей.
Навострила уши, сбавила свой пыл.
И сказала: — Хорошо. Уговорил.
Брось скорей сюда птенца. Мне скучно ждать.
Но тогда рыдать от горя стала мать.
Клювом хлопала и плакала сильней:
— Как же сына я отдам на завтрак ей?!
У меня и не поднимется крыло
Причинить малютке эдакое зло!..

Смотрит вниз мамаша, видит лисью пасть,
И гнетет ее тяжелая напасть.
Бедный аист заметался сам не свой:
— Надо, мать, с одним расстаться нам с тобой!
И сейчас же, взяв малютку одного,
С плачем он на землю выбросил его.
А лиса, поймав за хвост свою мечту.
Растерзала аистенка на лету,
Съела тут же, и домой не донесла,
Облизнулась и к ручью попить пошла.
Но прошло три дня, и вот лису опять
Понемногу начал голод дожимать.
Был на этот раз уже ей путь знаком
И к чинаре понеслась она бегом.
— Ну-ка, аист, выбирайся из гнезда!
Я, как видишь, вновь с пилой пришла сюда.
Голодать мне стало больше невтерпеж,
На кусок мне заработать надо грош.
Вот продам чинару — буду сытно жить.
Приготовься! Я хочу ее спилить.
Аист в ужасе взмахнул концом крыла:
— Ой, лиса! Опять с тобой беда пришла!
Как лишиться мне последних сыновей!?
Мать заплакала: — Не дам я деток ей!
Не лишусь ни одного из сыновей
Пусть ребята подрастут еще чуть-чуть,
Чтоб могли мы всей семьей пуститься в путь.
Вот тогда и приходи с пилой сюда,
Аистята проживут и без гнезда!
— Нет, — ответила лиса, — увы, друзья,
Ни минуты ждать сегодня мне нельзя!
И схватив без промедления пилу
Провела два раза ею по стволу.
Но взмолился снова аист: — Не спеши!

Не терзай моей родительской души!
Сердце кровью обливалось у отца,
Но второго он схватил тогда птенца,
И в слезах бедняжку-сына бросил он:
— Ешь второго и уйди, злодейка, вон!
На лету сожрав и эту жертву вмиг,
Испустила тут лиса победный крик,
Усмехнулась, подбоченилась она
И пошла плясать быстрее веретена.
Старый ворон жил на липе вековой.
Покачал он сокрушенно головой
И сказал сурово аисту-отцу:
— Взрелой птице быть безмозглой не к лицу!
Двух птенцов скормил лисице на обед.
Оправданья для тебя, папаша, нет.
У злодейки ты идешь на поводу,
Сам себе готовишь новую беду.
Длинноногий ты, а сметки ни на грош.
На земле с таким умом не проживешь.
Толку мало от длины твоей, увы.
Видно, жизнь тебе совсем не дорога,
Если веришь лживым выдумкам врага.
Будь хоть тысяча у зверя разных пил,
Все равно чинары он бы не спилил.
Взять тебя лиса решила на обман
И, как видишь, ей удался этот план.
И ответил аист: — Горек мой удел!
Догадаться я об этом не сумел.
Ты даешь мне замечательный совет.
Я лисе не буду верить больше. Нет.
Но едва прошло три дня — беда опять.
Видно, аисту ее не расхлебать.
Под чинару вновь пришла лиса с пилой
И кричит: — А ну слезай-ка, дорогой!

Аист ей на этот раз не отвечал.
Весь нахохлившись, сидел он и молчал.
И лисица за пилу опять взялась:
Надо будет, значит, силой вас согнать!
Больше голода терпеть я не могу.
На базар с чинарой нынче побегу,
А для этого спилю ее сейчас.
Ну-с!.. Какие возраженья есть у вас?..
Но окончить не пришлось ей этих слов.
Аист выпрямился, грозен и суров,
И, взьерошив перья, крикнул громко ей:
— Убирайся вон отсюда поживей!
Я отныне приготовился к борьбе!
Пасть разинув, приросла к земле лиса:
— Вот так аист! Это ж просто чудеса!
Кто-то видно, эту птицу подучил!..
Ярость лютая лису лишила сил.
Огляделась взглядом злым она кругом:
— Ничего! Сейчас учителя найдем!
Он ответит за вину свою сполна!..
И заметила вдруг ворона она.
«Век бы аист хитрых планов не раскрыл.
Если б ворон дурака не вразумил!»
И, оскалив зубы, ярости полна,
Завизжала в испуглении она:
— Ах, ты, подлый ненавистник и смутьян!
Ты из зависти решил сорвать мой план!
Ишь, герой! Свои таланты проявил!
Дурака со мной тягаться научил!
Чтоб тебе ослепнуть, мерзкий негодяй!
Зазеваешься, голубчик, невзначай —
Сразу голову тебе я откушу!..
Уничтожу!.. Разорву!.. Распотрошу!
В плове съем!.. — Немного душу отвела

И глотая слезы горькие со зла,
Как побитая, пошла к себе домой,
Ипуская по дороге хрипый вой:
— Попадись мне только ворон на пути —
Я тогда сумею казнь ему найти!
Все старанья приложу, а в западню
Эту пакостную птицу заманю!..
Опускался тихий вечер над землей,
Понемногу все окутывалось мглой.
Солнце село, потемнели небеса,
Лег туман на степи, горы и леса,
Целым миром овладела тишина.
Ночь пришла и наступило время сна.
Спали птички в теплых гнездах и в листве,
Спали мушки и кузнечики в траве.
Из-за туч мелькала изредка луна
И ничем не нарушалась тишина,
Только разве шаловливый ручеек
Между скалами с чуть слышным смехом тек,
Да порою слышен был жужжащий звук:
Из гостей летел домой гуляка-жук.
В этот час мы видим хмурю лису,
Одинокую, под деревом в лесу.
В животе ее от голода бурчит,
Про себя она в отчаяньи ворчит:
— Нет, сегодня мне, как видно, не уснуть!
Слезы рвут мою истерзанную шкуру!
Неужели не поможет мне судьба,
Чтоб победою закончилась борьба!?
Неужели я его не разыщу?
Неужели я ему не отомщу?
Не закрыла до утра злодейка глаз.
Ей казался долгим годом каждый час.
Наконец, рассвет пунцовой полосой

Загорелся над взъерошенной лисой.
Потянувшись, распушив свой длинный хвост,
Пела рыжая плутовка во весь рост,
Селась и зевнула, а потом
Сделалась с той же горечью кругом.
— Не было терпенья у нее.
Из кустами поползла она змеей,
Селе выбралась, легла, ворча, в траву,
Аль снова грезить мстостью наяву...
— Уже позолотила мир заря,
И веселой, бурной радостью горя,
Солнце выше поднималось в небеса,
Но все так же мрачно хмурилась лиса.
Безудержны, золотисто-горячи
Разбежались по полям-лугам лучи,
И смеялась, пела песни вся земля.
Пели реки, пели горы и поля,
Было все вокруг счастливым, молодым,
Свежим, ярким, голубым и золотым.
Распустились белых лилий лепестки,
Запорхали над цветами мотыльки,
И меж листьями кудрявых тополей
Птички трели раздавались все слышней.
Вся природа ясной радости полна,
Только лишь душа лисы черна.
— Ты бы ворона себе заполучить,
Аль бы вот так крепче отомстить!
— И, усевшись рядом под кустом,
Ворон, что лиса лежит пластом,
Сморщилось, зажмурены глаза,
Селелится плутовка-егоза.
Околела, испустила, видно, дух.
— Ишь, хитрюга! — засмеялся ворон вслух
И прокаркал, сев повыше на суку:
— Ты втереть очки сумеешь дураку!

А меня, как ни хитра такая ложь,
Ты, голубушка, теперь не проведешь!
Как бы ты ни притворялась без стыда,
Как бы ты ни притворялась никогда!
Не полезу я в ловушку никогда!
Но ничуть не шевелясь, лежала та
И попрежнему молчала... Красота!
Ворон косо посмотрел одним глазком,
И надежда просыпаться стала в нем.
Он закаркал: — Был бы факт весьма неплох,
Если б этот зверь, действительно, издох!
Я бы выклевал глаза ей и везде
Прокричал бы о лисицной беде,
Всех бы карканьем об этом извещил.
Этот день для нас бы днем веселья был!
Аист, тот бы стал плясать. Ведь для него
Смерть негодницы — большое торжество.
Посмотрел еще раз ворон — тот же вид:
Явно дохлая лиса в траве лежит!
Не страшна она, как будто, нам уже.
Я, однако, должен быть настороже.
Круглый камешек он поднял и хитро
Положил его лисице на бедро,
А, потом, прищутив зоркий свой глазок,
Напоследок посмотрел еще разок
И на всякий случай каркнул: — Я не глуп!
Эта хитрая притворщица — не труп!
Завтра утром прилечу сюда опять
И смогу наверняка тогда узнать:
Если каме-ек с нее не упадет,
Значит, все мои сомнения, — не в счет.
Если ж свалится, то план потерпит крах
И останется лисица в дураках!
После этого он взвился в облака,
На прощанье каркнув раз издалека.

А лиса вздохнула горестно в тиши;
Не нашла она покоя для души,
Разгадать ее проделку ворон смог!..
— Ничего, пускай пройдет еще денек,
Пусть немного поживет мой лютый враг,
Завтра утром попадется он впросак!
Завтра утром я минуту улучу
И коварного злодея проглочу.
Провела она глазами по ветвям,
Нету ворона нигде — ни здесь, ни там!
Отряхнувшись, встала, взвизгнула со зла
И с понурой головою в лес ушла,
Чтобы целый день голодною опять
Безнадежно меж деревьями блуждать,
Ни фазанов нет нигде, ни турачей,
Ни тетерок, ни гусей, ни голубей,
Ну, хотя бы подвернулся, наконец,
Воробей или рассеянный скворец.
Нет их, нет... И со слезами на глазах,
На трясущихся от слабости ногах
Пробиралась сквозь кусты она вперед;
По худым ее бокам струился пот.
Силы были все исчерпаны сполна,
Вспоминала гневно аиста она
И, с трудом переживая каждый час,
Слала ворону проклятья в сотый раз.
Все казалось ей унылым впереди,
Вот попробуй — утешение найди!
День окончен наконец. Настала ночь.
Но и ночь ей не могла ничем помочь.
Для голодного пустого живота
Не приносит утешенья темнота.
Не до сна ей было вовсе от забот.
Ночь казалась длинной-длинной, словно год.

И опять, лишь посветлели небеса,
Встрепенулась и воспрянула лиса.
Встала с места, почесала лапой грудь
И с угрюмым вздохом вновь пустилась в путь.
Сквозь ущелье, где всегда стояла мгла,
До вчерашнего местечка добрела,
В той же позе разлеглась опять хитро,
Положив вчерашний камень на бедро.
Встало солнце над грядой высоких скал,
И предутренний туман прозрачней стал,
Засверкали всюду яркие цветы,
Каркнул ворон вновь с соседнего куста.
Он увидел, что лиса лежала там,
Где вчерашним днем нашел ее он сам.
На бедре же у нее, и кругл, и мал,
Тот же камешек смиренхонько лежал.
— Ну, обрадовался ворон, — мы живем!
Поделом тебе, пройдоха! Поделом!
Рыла яму ты другому, подлый зверь,
И сама же угодишь в нее теперь!
Голод жизнь твою прикончил в добрый час,
И теперь счастливый век настал для нас!
Успокоятся отныне птиц сердца
И не будет счастьем нашему конца!
Присмотревшись к ненавистнице своей,
Он слетел с куста, уселся рядом с ней,
Клюнул раз лисицу в ухо, клюнул два,
Но попрежнему была она мертва.
Ворон прыгнул прямо на голову ей,
Кнюнул в лоб, потом еще раз посмелей...
Сразу тут лиса со всех вскочила ног,
Ухватив зубами птицу поперек
Так, что ворон-удалец лишился сил
И едва мгновенно дух не испустил.

— Ну, — вскричала зло лиса, — держись теперь!
От зубов моих не спрячешься, поверь!
Это ты мне, подлый сплетник, удружил,
Это ты нахальству аиста учил,
Ты лишил меня последнего куска,
Голодать заставил!.. Смерть твоя близка!
Очевидно, ты забыл, мой дорогой,
Что шутить я не позволю над собой,
Вот теперь мой час пришел. Я не прошу
И за все обиды разом отомщу.
Умирай, обидчик дерзкий! Умирай!
У меня сегодня праздник, так и знай!
— Что ж, — ответил грустно ворон палачу, —
Ты меня перехитрил, Я молчу.
Мне такое наказание поделом,
Но прошу я перед смертью об одном:
Перед тем как съест меня, ты удружи
И одну лишь фразу громко вслух скажи.
Встретить легче будет мне последний час,
Если выполнишь предсмертный мой наказ.
— Ты не порти мне, голубчик, аппетит,
Что должна проговорить я? Ну! Живей!
И скажи тогда дечально ворон ей:
— Я не буду умолять: — Прости! Спаси!
Ешь меня, но раньше так произнеси:
Ворон! Ворон! Для тебя могилы нет!
Ты бесславно покидаешь белый свет!
Сам ты жизнь свою поставил под удар!
Зря ты каркал, глупый ворон: кар... кар... кар..
— Хорошо! — лиса бормочет, — удружу!
Это верные слова. Я их скажу.
И собравшись пообедать смельчаком,
Гордо хвост она поставила крючком,
Напустила на себя геройский вид,

Приосанилась и радостно кричит:
— Ворон! Ворон! Для тебя могилы нет!
Ты бесславно покидаешь белый свет!
Сам ты жизнь свою поставил под удар!
Зря ты каркал, глупый ворон: кар... кар... кар!
Но как только «кар» воскликнула лиса,
Ворон выпорхнул из пасти, в небеса
Как стрела взлетел и скрылся в облаках,
А лиса внизу осталась в дураках.
Полетав, вернулся ворон, сел на сук
И сказал с веселым смехом: — Ну, мой друг,
Доказал теперь тебе я кто-кого?!
Извиняюсь, что нарушил торжество...
И голодная лисица, зла, худа,
Поплелась домой, сгорая со стыда.

ЛИСА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В МЕККУ

Стара лиса. Грустит она:
Пришли плохие времена.
Добычи мало, как назло;
Без мяса жить ей тяжело.
Сидит голодная весь день,
Порой подняться с места лень,
А дичь к ней не летит сама,
И впереди — сплошная тьма.
Лиса задумалась... И вот
Из шкафа четки достает,
Чарыхи, и чалму, и шаль.
Оделась, посмотрела вдаль,
Склонила голову на грудь
И устремилась в долгий путь.

С абой атласной на плечах,
С огромным посохом в руках,
Не утирая слез, лиса
Пошла в поля, пошла в леса.
Вид у нее теперь святой:
Смиранный, кроткий и простой.
И вот в село вошла она.
Петух возился у гумна,
Взглянул и замер. Что за вид!
Паломник перед ним стоит.
Чарыхи на ногах лисы,
Чалма надета для красоты.
С абой атласной на плечах,
С огромным посохом в руках,
Льет слезы кумушка в тоске,
И четки у нее в руке
Петух взглянул и говорит:
— Кума! Какой печальный вид!
Что за беда стряслась с тобой?
Скорее тайну мне открой.
Лиса заплакала сильнее,
Струились слезы, как ручей.
— Ах, дорогой ты мой петух!
Стара я стала, взгляд потух,
Нет у меня зубов сейчас.
Немало мучала я вас,
Теперь уж мне не до того,
Не бойтесь больше ничего
И не бегите в страхе прочь.
Самой мне жить уже невмочь!
Душа изранена моя.
Я знаю, виновата я,
Понять я прежде не могла,
Как отличить добро от зла.

Мне вовсе не знаком был стыд.
Я говорила: — бог простит!
Я признавала только кровь,
Мне не нужна была любовь.
Грех жжет меня сильней огня,
Нет в мире друга у меня.
Теперь держу я в Мекку путь.
Молитва облегчит мне грудь!
Петух ответил: — О, лиса!
Мне грустно, видят небеса..
Но ты напрасно слез не лей,
Не траствляй души моей!
Я верю истине простой,
Я вижу стада ты святой.
Но путь твой долог, о, кума!
Для старых труден он весьма.
Позволь и мне с тобой пойти,
Чтобы помочь тебе в пути.
И облизнулась тут кума:
Бежит добыча к ней сама!
— Спасибо, петушок родной,
Хороший мой, любимый мой!
Дорога в Мекку так длинна!
Идем же! — говорит она. —
Пусть голос твой в рассветный час
Совет меня свершить намаз!
Петух в восторге заюлил,
Как парус крылья распустил,
Захлопал ими и к лисе
Направился во всей красе.
Как самый преданный лакей
Поцеловал он лапку ей,
Погладил робко по спине,
И был от счастья, как во сне.

Шептал ей много нежных слов,
Был для нее на все готов.
На петуха лиса глядит,
Подальше пряча аппетит,
Твердя молитву про себя,
Когтями четки теребя
И жадность в сердце затая..
Так в путь отправились друзья.
Они в соседнее село
Пришли под утро. Рассвело.
В селенье этом с давних пор
Был знаменитый птичий двор.
Лису увидя, куры вмиг
Все сразу поднимают крик:
— Ее совсем узнать нельзя!
Что значит этот вид, друзья?!Лиса одета, как монах;
Чарыхи на ее ногах..
Аба — смотрите — и чалма!
Ох, это странно все весьма!
И с петухом они вдвоем
Идут по улице рядком!
Ужели он теперь ей друг?!Нет вилно здесь какой-то трюк!
Одна из кур спешит вперед
И громко голос подает:
— Лиса-притвора! Это ложь!
В ней нет смиренья ни на грош!
Настанет ночь — и к нам во двор
Она опять придет как вор
И будет нас душить опять,
Пока мы будем мирно спать!
И весь курятник поднял крик:
— Мы заявляем напрямик —

Нельзя лисе позволить вновь
Пить за обедом нашу кровь!
Мы спохватились неспроста.
Вблизи святые есть места,
Там мы молились день и ночь,
Чтобы лиса убралась прочь.
Мы жертвы принесли богам,
Они придут на помощь нам.
Услышат плач наш небеса.
Проклятья шлем тебе, лиса!
Лиса, поникнув головой
И опершись на посох свой,
Стояла рядом с петухом
И слезы вновь лила ручьем:
— Да куры правы, петушок!
Кто б упрекнуть во лжи их мог!
Я зло творила с давних пор
И заслужила свой позор.
Горит в огне душа моя.
Молиться отправляюсь я!
Пусть бог зубов меня лишит,
Чтоб не чинила я обид!..
Лису дослушав до конца,
Схватились куры за сердца
И, окружив ее толпой,
Рыдали над ее судьбой:
— Спасибо, милая кума!
Ты поняла теперь сама,
Как вреден был характер твой,
И стала ты теперь другой!
Ты держишь в Мекку путь сейчас,
Возьми с собой туда и нас!
Лиса ответила: — Ну что ж,
Идемте вместе, молодежь!

Заголосил весь птичий двор.
Со всех сторон во весь опор
Слетались куры, петухи...
— Лиса замаливать грехи
Пустилась в Мекку! Вместе с ней
И мы пойдем! Скорей! Скорей!..
Какой-то шустрый петушок
Вскочил на треснутый горшок
И заорал: — Ку-ка-ре-ку!..
Я скрыть восторга не могу!
Вот он — настал счастливый час!
Я поздравляю, куры, вас!
Лиса раскаялась!.. Теперь
Она уже не лютый зверь,
Она святая, видит бог,
Она дала при всех зарок
Не приносить нам больше бед!
Привет лисе! Привет! Привет!
Повсюду звонкий писк цыплят.
Они бегут за рядом ряд,
Карабкаются на забор
И смотрят на лису в упор.
И там и здесь, и тут и там
Все верят лисаньки словам.
Пищат цыплята веселей,
Абу целуют куры ей;
Весь двор приветствует лису,
На блюде хлеб и соль несут,
Кругом звучит довольный смех,
Лиса, как мать, глядит на всех...
Повеселились так часок...
И в путь пустились... Путь далек!
Проводником шагал петух.
Он громко пел, лаская слух.

С утра до ночи, целый день,
В папахе пышной набекрень,
Он шел, не уменьшая шаг,
Неся перед собою флаг.
А рядом с ним лиса брела,
Смирнехонька и весела,
И только изредка назад
Бросала с нетерпеньем взгляд,
Чтоб присмотреться поверней,
Какая спутница жирней.
Ей не терпелось. Как назло.
Обеда время подошло.
И, опершись на посошок,
Она сказала: — Петушок!
Постой! Гляди-ка, поздний час!
Мы совершить должны намаз.
Взлети на дерево и пой.
Помоем руки, дорогой.
Потом усядемся рядком
И побыстрее намаз начнем.
Петух взлетел на суку
Провозгласил: — Ку-ка-ре-ку!
Вот хорошо! — кричит лиса, —
Люблю такие голоса!
Молись погромче!.. За тобой
Молиться будут все, родной!
Но куры квохчут: — Чепуха!
Там место не для петуха!
Начни молитву ты читать —
Мы будем хором повторять:
Залезь на дерево сама!..
Но стала грустной вдруг кума
И заявила: — Нет, друзья!
Молитву мне читать нельзя.

Была я грешной до сих пор,
Вела себя как подлый вор.
Достоин только лишь петух
Нам услаждать молитвой слух
И согласились куры с ней.
Тогда лисица поскорей
Построила их в длинный ряд,
Всех жирных отвела назад.
От нетерпения она
Вся натянулась, как струна,
И говорит, скрывая смех:
— Теперь я стану сзади всех
И бога буду вслух просить
Мои грехи скорей простить.
Пусть от меня услышит бог,
Что я даю ему зарок
Отныне праведницею быть.
Удел мой — плакать и грустить!
Лиса на землю улеглась
И громким плачем залилась.
А куры начали намаз,
Назад не обращая глаз.
Стояла тишь. Лишь на суку
Вскричал петух — Ку-ка-ре-ку!
И вслед за ним вся стая птиц.
Молясь склонилась дружно ниц.
Тогда, удобный миг поймав,
Лиса свой показала нрав.
Хвост распушив, оскалив пасть,
Она на кур с разбега — шасть!
И, испустив победный крик,
Пятнадцать задушила вмиг,
А остальные — кто куда
Пустились с воплем: — Ай, беда!

Лиса дорогою прямой,
Добычу отнесла домой,
Где, широко разинув пасть,
Наелась в этот вечер всласть.

ТРУД И КРАСОТА

В одном селеньи пахарь жил.
Алышем звался он.
Все то, что труд ему дарил,
Ценить старался он.
Чарыхов он две пары сшил.
Расчет его простой;
Одни назвать Трудом решил,
Другие — Красотой.
Вторые очень он любил,
Их смазывал жирком,
В железном сундуке хранил,
Берег их под замком.
В часы работ чарыхи-Труд,
Как брат дружили с ним,
Алыш носил их там и тут,
Был благодарен им.
Он в них и сеял, и косил,
В грязи топтал, в пыли,
Пока они хоть каплю сил
Еще отдать могли
Когда с вечернею звездой
Труду кончался срок,
Алыш, бредя к себе домой,

Их на ногах волок.
Он в хату приходил, и вот
Бросал чарыхи там,
Где каждый топчет их и мнет —
Поблизости к дверям.
Кто выйдет или в дом войдет,
Всяк наступал на них.
Дворовый пес, домашний кот,
Резвясь, трепали их,
Всю жизнь, к несчастью своему,
В полях и там, и тут,
Как раб, прикованный к ярму,
Снуют чарыхи-Труд.
Домой вернувшись как-то раз,
Алыш открыл сундук,
Он с Красоты не сводит глаз,
Не отнимает рук...
Они от гордости блестят,
Их радует почет,
Чарыхи ж Труд в пыли лежат,
Обида их гнетет.
— О Красота! — звучит их стон, —
Ведь ты — сестра для нас,
Но жизнью мы живем простой,
А ты ласкаешь глаз!
Мы знаем, жизнь была б скучна,
Мертва без красоты,
Но братьев ты ценить должна,
Без нас погибнешь ты!
Так почему ж в почете ты,
А нас швыряешь в сор?
Поверь, что спесь для Красоты
Опасна с давних пор.
Чарыхи-Красота, смеясь,

Ответили: — Ну что ж!
И вам поможет власть моя:
Со мной не пропадешь!
Сказали сами вы сейчас,
Что мною жизнь горда,
А если вы, к примеру, — глаз,
То я — зрачок тогда!
Бесплодна споров пустота.
За днями дни бегут...
Горды чарыхи-Красота,
Грустят чарыхи-Труд.
И вот промчался целый год.
И был он весь таким:
Одним он тьму принес забот,
Тьму радостей другим.
Судьба чарыхов-Труд крута,
Но, не ценя их мук,
Одним чарыхам-Красота
Алыш дарил досуг,
И говорят чарыхи-Труд:
— Ценителей сейчас
Нам не найти! Здесь люди чтут
Лишь то, что тешит глаз.
Эх, друг Алыш, жесток и крут
Такой удел для нас!
И вот они свой путь нашли...
Ушли из дома прочь,
Через поля и реки шли,
Сквозь рощи, день и ночь.
Где ни ступали, там земля
Вдруг превращалась в рай,
Тучнели бедняков поля
И расцветал весь край.
Где ни ложились их следы

Тотчас солончаки
Цвели, превращены в сады,
В луга и цветники,
Аллей и пышных клумб ряды
Вставали у реки.
Алыш проснулся при звезде,
Еще рассвета нет...
Чарыхи-Труд искал везде,
Но их простыл и след.
Искал он там, искал он здесь,
Детей поднял своих,
Три раза двор обшарил весь,
Нигде не видно их.
Он всю деревню обошел
И встречных расспросил,
Чарыхов так и не нашел,
Вернулся в дом без сил.
Присел и думает с тоской:
— Забуду! Что за грех!
Чарыхи-Красота со мной.
Они получше тех,
Но не работал с ночи той,
Он только ел и пил.
И наслаждался красотой,
И дом свой разорил.
Но дни текли. И вскоре лень
Приелась. Вот беда!
Ведь если праздник каждый день,
Тоскливо без труда.
Печаль грызет его, как волк,
Забыл он счастья вкус, —
Какой от удовольствий толк,
Когда вся жизнь как груз.
Давно достатка больше нет...

Он по селу бредет,
И вслед корит его сосед,
Раздумье сердце жжет.
Горюет наш Алыш. И вот
Из сердца рвется вздох;
Чарыхи-Труд! Весь этот год
Без вас был пуст и плох
В ущельях гор, на дне болот
Найду вас, видит бог!
И он пошел по деревням,
Навек забыв покой.
И всех, кого встречал он там,
Расспрашивал с тоской.
На нем чарыхи-Красота,
Другие он искал,
Его вела одна мечта
Средь гор, полей и скал.
Под гнетом горя своего
Измучилась душа.
Чарыхи-Красота его
Старались утешать.
Он шел, чтоб вновь и вновь идти,
И день сменяла ночь:
Никто из встреченных в пути
Не мог ему помочь.
Пред ним высокая скала...
Взошел, глядит вокруг;
Темна и непроглядна мгла.
— Где вы, чарыхи-Труд?
Достал иголку он. Со зла
Вонзил в скалу. И вдруг
Чинарой выросла игла.
Он влез на верхний сук.
Но как глаза не напрягал.

Как долго ни искал,
Ни на полях, ни между скал
Чарыхов не видал.
И вдруг заметил он — вдали
Идет за плугом плуг,
И нераспаханной земли
Ни пяди нет вокруг!
Тянулись тучные поля
Без края там и тут.
И понял он, что та земля
Жива, где славен Труд.
Алыш спустился по камням
Туда, где трав цвели ковры...
И вот — чарыхи там!
Он шапку перед ними снял,
Спросил, потупив взгляд:
— За что вы бросили меня?
В чем был я виноват?
Нельзя бросать своих друзей,
Быть верным должен друг.
Идемте-ка домой скорей,
Оставьте этот плуг!
Они же молвили хитро:
— Уйди, про нас забудь!
Ты не умел ценить добро,
Что ж... Продолжай свой путь...
Оставь надежду! Не тому
Наш долг принадлежать,
Кто нас всю жизнь бросал во тьму,
Кто смел нас унижать!
Давали счастье мы тебе,
Достаток и почет,
Покой, уверенность в судьбе.
Пусть жизнь без нас течет!

Тебя сгубила слепота,
И в ней себя вини;
Пусть лишь чарыхи-Красота
С тобой живут одни!
Ласкай их, чувства не тая!
Покорны мы судьбе:
Они — родные сыновья,
Мы — пасынки тебе.
— Вы правы! Не умел я жить! —
Сказал Алыш в ответ —
— Но я прошу меня простить:
Былого больше нет.
Теперь дела пойдут не те,
Иным я стал сейчас
Я знаю цену Красоте,
Но оценил и вас.
Трудом сильна людей семья!
Труд — вот мой лучший друг.
Труду теперь — вся жизнь моя.
А красоте — досуг.
И взял чарыхи-Труд Алыш,
Их положил на грудь.
И Красота успела лишь
Смущенно им шепнуть:
— О братья! Свет без вас не мил,
Мы желты, как айва!
Где добрый труд не тратит сил,
Там красота мертва!
Смягчились тут чарыхи-Труд,
И мир был заключен.
Покой, довольство и уют
Принес Алышу он.
Алыш любой работе рад,

Дела его легки,
Трудом он превращает в сад
В степи солончаки.
В атлас наряжены поля,
Волнуются, шумят,
Вздыхает радостно земля,
Плодами полон сад.
Разносит легкий ветерок
Дыхание цветов,
Безбрежен, волен и широк
Простор родных лугов.
Все взоры радует кругом,
Серпа колосья ждут
И, крупным полные зерном,
Зовут: — «Возьми нас, Труд!
Труду их просьба дорога,
И вот его рукой
Колосья сложены в стога,
Течет зерно рекой.
И, как невеста хороша,
Глядит с небес луна.
Ликует трепетно душа,
Надеждами полна.
С улыбкой глядя на звезду,
Луна кивает ей,
И шепчет Красота Труду
О верности своей.
Спокоен сон холмов и гор,
И свод небес высок,
И слышен звонкий птичий хор,
Кукушки голосок.
А ночью золото стогов
В лучах луны блестит.
Вкусил Алыш плоды трудов,

Он больше не грустит.
И этой вечной красоте
Он шлет свою любовь
И, забыв о нищете,
Ликует вновь и вновь.
Труд стал ему милей всего.
Душа трудом полна.
И красотой вся жизнь его
Теперь озарена.

РАССКАЗЫ

ПИСЬМО НЕ ДОШЛО

1

Был морозный зимний день. Резкий холод обжигал лицо. Словно облекшись в траур, небо закуталось в плотную чадру, а горы и долины затянуло белесым саваном. На улицах по снежным сугробам, боязливо озираясь, прыгали вороны. Тепло одетые, хорошо обутое люди, выйдя из уютных жарко натопленных домов, беспечно ездили в санях или шли пешком. И ничего кроме удовольствия не могли им доставить эта леденящая стужа и жестокий мороз.

Неужели все несчастья и горести жизни выпадают только на долю неимущих?

Курбан сидел в конце Шайтан-базара, около своего земляка, уличного писца муллы Фарзали, писавшего письма и прошения. Курбан совсем окоченел от холода. Придерживая одной рукой открытый ворот ветхой рубахи, а другой — отдирая чувак, примерзший к ноге, он говорил:

— Напиши для меня письмецо, мулла. Ведь сам знаешь, какой я тебе доход приношу. Не прошло и года, как я приехал сюда из родных мест, а уже считая с этим, заказываю тебе пятое письмо.

Мулла Фарзали потер окоченевшие от холода пальцы. Достал клочок бумаги, положил его на колени и, позевывая, спросил:

— Говори, земляк, что писать?

Курбан еще ближе подсел к мулле и, словно собираясь поведать ему какую-то тайну, зашептал:

— Во-первых, мулла, напиши от меня привет матери

моих детей. Напиши, чтоб она поцеловала за меня в глазенки Анаханум и Мемиша, берегла их и лелеяла. Потом, напиши, что и я, слава аллаху, жив и здоров. Через Гулама-Рзу посылаю вам пятнадцать рублей, вышлю еще; пусть ребятишки не терпят нужды ни в чем, а сам я приеду в конце весны.

Окунув перо в чернильницу, мулла принялся было строчить письмо, но чернила так загустели, что писать было нельзя. Мулла Фарзали осторожно плюнул в чернильницу, размешал и принялся писать снова.

Курбан еще плотнее запахнулся ветхим архалуком, прикрыв торчащие иглами волосы на груди и, весь съезжившись от пронизывающего холода, сокрушенно сказал:

— Эх, мулла-ами, к плохому человеку попал я на работу. Колодец прорыт уже больше чем на тридцать сажень. Мы просим, умоляем хозяина: «Ага, прибавь нам плату, — спустаться так глубоко нам не под силу, задыхаемся от газа». Но злодей, сын злодея, упрямится: «Будете, говорит, рыть, как прежде условились, а то не заплачу ни копейки». Трудно, мулла, зарабатывать здесь деньги. Вот у тебя завидное ремесло: напишешь за день десяток писем, прошений, пару молитв — вот и сыт. Да ниспошлет тебе аллах свою милость, что еще хочешь?

Мулла Фарзали спрятал ручку и, захватив кончиками пальцев шепотку песку из выемки в стене, посыпал бумагу.

— Эх, земляк! — отвечал он. — Со стороны драка кажется забавой. Не такая уж приятная у меня работа, как это тебе кажется. Зимой и летом сиди на перекрестке и жди, когда придет заказчик. Иной раз уже в глазах начинает темнеть. А бывают дни, когда ни один человек не подходит. Так и сидишь, потирая пустое брюхо.

Мулла поплотнее закутался в свою абу и принялся громко читать написанное.

Курбан весь обратился в слух, сидя с разинутым ртом, словно собирая проглотить выходящие из уст муллы слова, и потом с заблестевшими от радости глазами, сказал:

— Мулла, напиши еще поклон Гулам-Гусейну и напиши, чтоб до моего возвращения он присматривал за ребятишками. Пусть он напишет мне, что стало с нашей золотистой коровой, и продали ли слепую кобылу. И еще напиши, что когда приеду, привезу Анаханум и Мемису по красненькому узорчатому платочку.

Дописав письмо, мулла Фарзали аккуратно сложил его, положил в конверт и, обращаясь к Курбану, спросил:

— Земляк, на чье имя послать письмо?

Курбан смущенно почесал затылок:

— Напиши, мулла, чтоб вручили матери детей Курбана.

Написав это, мулла протянул конверт Курбану. Дрожащими от радости руками Курбан взял письмо, внимательно оглядел его и хотел было спрятать на груди, но письмо выскользнуло из его продрогших рук, и упало на землю. Быстро нагнувшись, Курбан схватил его и, осторожно очистив от мерзлой земли, бережно спрятал за пазуху.

Потом он достал из кармана кисет, вынул гривенник и вложил в руку муллы.

— Возьми, земляк. К байраму я опять приду заказать новое письмо, тебе немало еще перепадет от меня. Он зашагал, крепко прижимая к груди письмо.

Ему хотелось поскорее добраться до жилища своего земляка Гулама Рзы, вручить ему это письмо и передать кое-что на словах.

«Счастливец этот Гулам-Рза, — думал дорогой Курбан. — Сколотил немного денег и теперь поедет повидаться со своими детьми. Как чудесно будет там через месяц! Леса, горы и холмы покроются зеленою, расцветут цветы, деревья оденутся зеленой листвою, дернутся из теплых краев ласточки, первые вестницы весны. Скворцы, жаворонки и журавли начнут вить гнезда. Всюду на полях и огородах закипит работа. Рыбаки пойдут рыбачить на реки и озера. Эх, нужда, нужда, что ты сделала со мной? Бросила на чужбину, оторвала от жены и детей».

Слезы подступили к самому горлу Курбана. На мгновение сердце его замерло, колени задрожали, и, теряя последние силы, он упал на хрустящий снег. Разбитый, изнеможенный, с трудом придя в себя, Курбан приподнял голову. Перед глазами его замелькали рассекавшие шумную толпу нарядные сани, довольные оживленные лица тепло одетых пешеходов. Курбан окинул эту сытую, самодовольную радость взглядом, полным горечи и ненависти, и с его бескровных губ сорвался тяжелый вздох. Овладев собой, он медленно поднялся. Поспешно сунул руку за пазуху, убедился, что письмо там, и, еще сильнее прижав его к груди, зашагал к дому своего земляка.

Дверь была заперта. Грустный и опечаленный, Курбан повернул обратно. Бродя, как помещанный, в густой толпе рабочих, он заметил вдруг другого своего земляка — Сафтара. Курбан подошел к нему, поздоровался и узнал, что Гулам-Рза ушел в город.

— Как придет Гулам-Рза, — попросил Курбан Сафтара, — передай ему, что я заходил. Он должен непременно повидаться со мной перед отъездом. Я хочу послать с ним письмо и деньги семье и передать кое-что на словах.

Курбан пошел домой.

— Подлецы, негодяи! Пока колодец был неглубокий, головой был я, а хвостом они. Куда поворачивал я, туда они и шли. А теперь, когда колодец углублен, они хотят стать головой. Каждый день мне новый ультиматум. Что ни день, то новые требования. Колодец, видите ли, глубок, там пахнет смертью... и всякий тому подобный вздор. И еще не знаю что там. Тьфу! Плевать я хотел на таких бесстыжих, бессовестных людей! Плеть, плеть, вот что вам нужно, — кричал и бесновался хозяин колодца Гаджи-Кули.

Сафтар и Тариверди опорожнили поднятые из колодца ведра с песком и прежде чем снова спуститься, Тариверди сказал хозяину:

— Ай ага. Мы по-прежнему были и остаемся только хвостами, ты сам посуди, сейчас опаснее всего работать в колодце. Ведь совесть тоже хорошая вещь.

— Взгляни, — перебил Сафтар товарища, указывая рукой в сторону нефтяных промыслов, — под каждой пядью, под каждой горстью этой земли, всюду куда ни ударишь заступом, наткнешься на кости рабочих. Отовсюду слышатся их стоны. А тем, кто живет в этих роскошных высоких домах...

— Ну и подышайте себе, — прерывая Сафтара кричал Гаджи-Кули, топнув ногой. — Вы думаете, деньги наживаются легко? Вы рискуете жизнью, а мы — золотом.

— Сафтар, ай Сафтар, — дергал Курбан канат из скважины.

Сафтар и Тариверди бросились к колодцу. Свесившись, они заглянули в глубь колодца, но вдруг оглушительный грохот взорвавшегося газа заставил их в ужасе отпрянуть.

— Да простит нас аллах. И Курбан тоже погиб, — взволнованно прошептали они.

Гаджи-Кули, точно не слыша этих слов, опасливо подошел к колодцу и осторожно склонился над ним. Глаза его загорелись радостью. Счастливая улыбка заиграла на губах.

— Выход нефти открыт, теперь она забьет, — крикнул он в диком восторге.

— Гаджи, а как же тело Курбана? — с напускным равнодушием спросил Тариверди. — Так оно останется в колодце?

Слова эти оторвали Гаджи-Кули от радужных мыслей. Он широко раскрыл глаза. Достав из кошелька две двадцатипятирублевки, он процедил сквозь зубы:

— Тот, кто вытаскивает труп, получит пятьдесят рублей.

Тариверди подошел к колодцу и, увидев поднимающуюся, клокочущую нефть, сказал:

— Бедный Курбан, ты сам своими руками вырыл себе могилу.

Гаджи протянул им ассигнации.

— Возьмите, пусть эти пятьдесят рублей будут вашими, разделите их между собой, но смотрите, — про это никому ни слова.

— Ага, — спросил Сафар, — а как быть с одеждой?

Гаджи, опустив руку ему на плечо, ответил:

— Заройте ее где-нибудь поблизости.

Когда Сафтар и Тариверди, собрав одежду, встряхнули ее, на землю упал конверт. На конверте было написано: «Вручить матери детей Курбана».

Сафтар и Тариверди сокрушенно разглядывали конверт.

— Бедняга Курбан, письмо не дошло, — вздохнув, горестно прошептали они.

КОЧЕВКА

Забрезжил рассвет, обещавший прекрасное майское утро, когда мать разбудила меня.

— Вставай, сынок — и она, обхватив мою голову руками, повторила, — вставай, сынок. Все, кроме тебя, поднялись. И арба наша у ворот.

Я тотчас вскочил и быстро оделся. Наскоро проглотив чашку чая, перескакивая через ступеньки, спустился по лестнице. Запряженная быками арба стоит у наших ворот. Аробщик Салман-киши, не спеша, степенно, по всем правилам, укладывая наши вещи в арбу. Сейчас мы тронемся в путь — какая радость. Вся наша семья уже собралась у арбы. Мы берем с собой и мою кошку Мэрмар, и мою большую пеструю курочку-хлатку, вместе с цыплятами, спрятанными в корзину. Как же мне не радоваться? Все мы поднялись на арбу, и Салман-киши сел на козлы. Арба тронулась.

Отец мой ехал верхом рядом с арбой. Мы проезжали по большим, широким улицам города. Мимо проплывали знакомые высокие дома, широкие окна, блестящие витрины магазинов...

Когда мы выехали из города, на востоке разгоралось золотисто-багряное пламя, окрашивавшее облака, громоздившиеся на горизонте, подобно горной гряде.

Мы оставляли позади душные пыльные улицы города. Арба наша ехала по дороге, с обеих сторон обсаженной высокими деревьями, за ними разбросаны были огороды и пашни.

Азербайджан... До чего же красива моя земля! Отдуновения утреннего ветерка шелестит листва, волну-

ются молодые всходы и травка на полях и лугах, изумрудным ковром покрывающая холмы и долины. Звонко щебечут укрывшиеся в зеленой листве птички. Кругом, насколько хватает глаз — зеленеющие холмы, долины, овраги. За каждым поворотом — новый пейзаж, один прекраснее другого. По мере того, как мы поднимаемся по ущелью, обрывистые склоны которого поросли терновником, воздух становится свежее и чище — дышится легче и привольней.

Запах горной мяты и чебреца опьянял нас.

Горам впереди не было конца и края. Словно обнявшись, они стоят, тесно прильнув друг к другу. Мы переваливаем через высоченный хребет, а навстречу нам встает другой, еще более высокий. Одолев и его, мы выехали на равнину — настоящее царство цветов, — обрамленную густым лесом, дикими скалами и обрывистыми ущельями. Вдали у подножья высокой горы, виднелось кочевье — десяток алачыгов.

Наконец-то мы приехали! Я не мог усидеть на месте.

Выскочила огромная овчарка и злобно залаяла на нас.

ВСТРЕЧА

Когда мы подъезжали к алачыгам, нас окружили дети и несколько пожилых женщин и мужчин. Старик, подошедший первым, приветствовал нас. Его толстые отвисшие губы расплылись в улыбке, вокруг маленьких глаз лучились морщины. Опираясь на свою сучковатую палку, он сказал:

— Добро пожаловать! Мы вас ждали еще вчера.

— Спасибо, Керим-баба! Не вчера так сегодня, — ответил отец.

Подошли женщины и поздоровались с матерью. Отец, любивший пошутить со стариками, смеясь, сказал Керим-бабе:

— Ну, что, Керим-баба, как ладишь с Айрым-кызы?

Керим-баба ответил:

— Да как! Недаром сам называешь ее Айрым-кызы. Ладим, как кошка с собакой!

Тучная женщина низкого роста, лет пятидесяти, подошла к отцу. Рот и подбородок ее были закрыты платком.

Ответив на ее приветствие, отец мой шутливо заметил:

— Посмотри-ка, Айрым-кызы, не успели мы приехать, а Керим-баба жалуется на тебя.

— А пусть его жалуется, сколько хочет. Испокон веку мужчины жалуются на женщин, мы привыкли к этому. Мужчины никак не могут примириться с нами! — отвечала Айрым-кызы, улыбаясь узкими карими глазами.

НАШ АЛАЧЫГ

Арба наша останоилась у войлочного алачыга. Мы вошли в него. Мгновенно женщины и дети окружили нас.

Расцеловав мать, женщины завязали с ней оживленный разговор.

Дети, сверкая белыми, как жемчуг, зубами, всячески старались дать понять, что хотят поиграть и порезвиться со мной. Я был застенчив и робок и стоял, прильнув к матери. Отец, сидя неподалеку от алачыга, на разостланном паласе, говорил о чем-то с Керим-бабой.

День был знойный. В алачыге было полно народу, можно было задохнуться от тяжелого запаха войлока,

вызывающего головную боль. К счастью, это длилось не долго. Снаружи послышался суровый окрик Керим-бабы:

— Не мучайте и не томите гостей, дайте им отдохнуть с дороги.

Пришедшие начали постепенно расходиться. Немного погодя для нас приготовили завтрак. Усевшись на паласе вокруг узорчатой скатерти, мы досыта поели свежего хлеба с маслом, каймаком и кислым молоком.

Поев, отец окликнул Керим-бабу:

— Послушай, Керим, заготовил ли ты колья для алачыга?

— Не понимаю, — ответил хладнокровно Керим-баба, — почему все ученые люди так нетерпеливы?

— Время идет. К вечеру алачыг обязательно должен быть готов, — ответил отец.

— Тебе какое дело? Ты к вечеру требуй от меня готовый алачыг. Да разве это работа для меня? Колья готовы еще со вчерашнего дня.

— Ну, ну, ты не очень-то хвастайся! Насилу уговорила вчера тебя наломать веток, а не то ты, верно, и до сих пор не двинулся бы с места, — осадил его Айрым-кызы.

Все вокруг рассмеялись. Отец с Керим-бабой отправились ставить алачыг. Он должен был стоять немного поодаль от кочевья, на облюбованном заранее, живописном месте. Вскоре алачыг был готов. Через час мы перебрались к себе.

Мало-помалу я подружился с жившими на кочевье ребятишками. Каждое утро, едва допив свой чай с молоком, я выбегал из алачыга и вместе с ними шел ловить соловьев, собирать грибы, землянику или улитку-рыбу.

Среди камней в ущелье бурлил мощный источник, образуя кипящий водоем. Из-под каждого камня, из-под каждого деревца сочилась вода. Мы расширяли отверстие, огораживали образовавшуюся яму булыжниками и получался маленький родничок.

Каждый назвал устроенный им родник своим именем. Бывало, я целые дни проводил один в этом сказочном ущелье, не уставая любоваться чудесными цветами, источниками, зеленью...

Иногда мы отправлялись в лес искать птичьи гнезда. Не могу найти слов, чтобы передать, как я любил маленьких птенчиков, эти беспомощные, крохотные комочки.

Находя птенчиков, я бывал вне себя от радости. И как и сколько ни убеждали меня отец и мать: «Пожалей бедняжек, сынок, не держи ты их в неволе» — настойчивыми просьбами, я, наконец, добился, что мне разрешили держать их в клетке, сплетенной из прутьев орешника. Привезенные из города цыплята оперились и подросли, теперь уж можно отличить петушков от курочек.

Алачыг наш стоял на открытой лужайке, окаймленной густым кустарником, цыплята копошились, выискивая червячков и кузнечиков или отдыхали под кустами.

Надо было видеть их, когда я, взяв пригоршню зерен подзывал цыплят: цып-цып-цып. Словно солдаты

на штурм, они бросались ко мне. Я прятал руки за спину, а они, склонив набок головки, заглядывали мне в лицо.

Меня бесконечно трогали эти робко-выжидательные взгляды. Я рассыпал наземь зажатые в кулачок зерна, и цыплята, толкаясь и ударяя друг друга клювами, наперебой, спешили подобрать их.

Неподалеку от нашего алачыга я соорудил для них небольшой курятник. Из опасения, как бы лисицы или шакалы не уташили их ночью, я закрывал на ночь вход в курятник большим камнем.

МОИ ДНИ И ВЕЧЕРА

Утра и вечера на кочевье были полны для меня несказанной прелести. По вечерам, когда стада овец и баранов поворачивали к кочевью, от блеяния и крика звон стоял в ушах. А эти вечера, приносящие живительную прохладу, аромат горных цветов и свежескошенной травы!

Запах утренней сырости, гул водопадов в ущельях, птичий гомон, блеяние овец, мычание коров, ржание коней, лай собак — все это придавало кочевью неповторимое своеобразие.

Безмолвная природа, только что казавшаяся мертвой, оживала, и тогда все вокруг преображалось. Захватив палку для защиты от собак, я шел к кочевью.

Чтобы не подпустить ягнят к маткам, которых еще не успели подоить, их не выпускали из загона. Я забирался туда и вдоволь играл и возился с маленькими резвыми ягнятами.

Когда дойка кончалась, загон открывали, и овцы бежали навстречу своим малышам. Найдя своих матерей, ягнята, расставив ножки и тряся курдючками жадно принимались сосать. И снова вокруг настаивала тишина, изредка прерываемая голосами чабанов, ворчанием собак и плачем детей.

Мне нравились чабаны, и немало времени я проводил с ними. Меня привлекала их простая вольная жизнь. Нередко я задавал себе вопрос: «Так ли уж плохо быть чабаном среди этих зеленых холмов и синих гор?»

Нередко, взяв с собой посошок, я отправлялся вместе с чабанами. Овцы паслись по склонам холмов, а мы усаживались на пригорке.

Чабаны играли на свирелях, пели и вели долгие задушевные беседы. Один из них, по имени Орудж, особенно искусно играл на свирели. Казалось, под его игру, овцы более охотно щипали траву, а порой, наострив уши, прислушивались к переливчатым звукам.

Даже большой серый лохматый волкодав Демир начинал вертеть пушистым хвостом. Положив голову на ноги Оруджа и не сводя глаз со свирели, он то и дело повизгивал.

И я видел, какое удовольствие доставляет животным хорошее пение и музыка.

На восток от кочевья находился родник, под названием Новгалы. В полдень чабаны пригоняли сюда свои отары.

Однажды, когда стадо гнали на водопой, Орудж с вершины холма окликнул товарища:

— Ильяс! Ай, Ильяс, хочешь, вот этой дудкой я поверну стадо обратно?

— Не сумеешь! — отозвался Ильяс.

Орудж начал играть. И будто повинуюсь таинственной силе, приказавшей им остановиться, отара стала. Потом овцы сразу повернули и с громким блеянием принялись взбираться вверх по склону.

— Ну что? Теперь убедился? — гордо улыбаясь, спросил Орудж и погнал стадо к роднику.

КЕРИМ-БАБА

Много времени я проводил с Керим-бабой. Это был старик лет шестидесяти, широкоплечий, коренастый, низенького роста. Его маленькие глаза все еще хранили молодой блеск. Когда Керим-баба разговаривал, они разгорались, толстые губы всегда неизменно улыбались. В его взгляде можно было прочесть историю счастливо прошедшей жизни.

Несмотря на свой преклонный возраст, человек этот выросший среди гор и лугов и никогда не покидавший их, был по-юношески крепок и румян. И сейчас еще можно было угадать, что в молодости это был горячий, вспыльчивый, отчаянный парень.

Да и теперь все его мысли вертелись вокруг всевозможных затей — прогулок, охоты, рыбалки.

У Керим-бабы было старинное ружье, доставшееся ему от отца. Дуло ружья было величиной с жерло маленькой пушки. Керим-баба ни на миг не расставался с ружьем, ежедневно чистил и вытирал его. Порой, спустившись в ущелье, постреливал и, если удачно, то радовался, как дитя.

Айрым-кызы, не выносившая грохота ружья, стрелявшего, как пушка, насмешливо говорила Керим-бабе

— Да укроет земля твой стыд и совесть, не отказывайся никогда от своих дурачеств. Хорошо, что покойный отец твой оставил тебе это негодное ружьишко со сломанным курком.

Керим-баба неизменно отвечал с достоинством:

— От хорошего отца отважному сыну достаются конь и ружье, и отец оставил мне то и другое.

Керим-баба нанимался пасти овец. У него самого были две коровы и несколько овец. Целые дни он слонялся по чужим дворам, бездельничая и пустословя. А иногда он сам ходил присмотреть за стадом, или посылал своего младшего сына Вели. Если детвора приходила собирать малину, землянику, орешки, кизил, Керим-баба был тут как тут.

Крестьянам не нравилось, что Керим-баба бросает коров без присмотра. Но старик не обращал внимания на их недовольство, ничуть не смущаясь и не лишая себя из-за этого развлечения.

Играл он на свирели, делал свистульки и песни не сходили с его уст.

АЙРЫМ-КЫЗЫ

Айрым-кызы была невысокой, тучной женщиной, с круглым, как луна, лицом и узкими карими глазами.

Лицо этой трудолюбивой женщины было несколько грубовато, мужеподобно. И голос у нее был низкий и раскатистый.

Днем она успевала управиться и у нас и у себя в алачыге. Доила овец и коров, разводила огонь, пекла чуреки, сбивала масло.

Айрым-кызы была неумоима, никто никогда не слышал чтобы она жаловалась на усталость.

Настоящее ее имя было Фатхи, но так как отец ее был айрымцем, то все называли ее Айрым-кызы.

Керим-баба и Айрым-кызы не сходились характерами. Выведенная из себя невозмутимым спокойствием и ребяческими выходками Керим-бабы, а также выслушивая упреки недовольных крестьян, Айрым-кызы каждый раз отчитывала мужа, но Керим-баба не слушал ее упреков и увещаний, оставался глух ко всем наставлениям и продолжал жить в свое удовольствие.

Как-то раз женщины и дети отправились собирать землянику и малину. Мог ли Керим-баба удержаться и упустить такой случай? Узнав о том, что Керим-баба пошел с детьми, бросив коров на произвол, Айрым-кызы решила дать мужу суровый урок и, взяв сучковатую дубинку, пошла на пастбище.

В сумерки, когда с окриками и хваткой заправского чабана она погнала стадо к кочевью, все с веселым смехом высыпали поглазеть на это невиданное зрелище.

Даже сам Керим-баба прибежал полюбоваться своей женой, и, стоя в стороне, спокойно глядел на все происходящее.

Айрым-кызы, нисколько не смущаясь, подгоняла дубинкой отстававших животных.

Один из крестьян, смеясь сказал Керим-бабе:

— Ай, Керим, ай, Керим! Недаром ее зовут Айрым-кызы. Вот как она умеет отомстить мужчине! Право же, эта женщина-богатырь стоит любого мужчины!

Однако эти слова подействовали на Керим-бабу не больше комариного писка.

— Оно вполне понятно: у такого мужчины, как я, и жена должна быть под стать, — отвечал он зычным голосом.

Солнце медленно склонялось к вершинам гор, покрытых лесами. Темнели воды.

Сидя на паласе, разостланном около алачыга, мы пили чай. Керим-баба и Айрым-кызы, примостившись рядом, рассказывали о своих былых подвигах. Они возбужденно хвастались, перебивая друг друга.

Чтобы раззадорить мужа, Айрым-кызы хлопнула его по плечу.

— Посмотрите-ка на этого непутевого. Месяцами я стою в глаза не видела, а чем он был занят? Пустовонил, шатался без толку по чужим дворам. А возвращаясь домой, нагонял на всех страх. Хоть бы удалцом был. А то даже вязанки дров из лесу не принес. А уж если и отправится за дровами, так положит несколько веток на плечо и еще издали кричит: «Айрым-кызы, Айрым-кызы! Куда прикажешь сбросить эту вязанку?». Как будто притащил мне гору. А взгляните на эту вязанку, что принесла я из лесу. Вот если он сумеет принести такую, тогда скажу, что он — мужчина! Но где ему! — захлебывалась от самодовольства Айрым-кызы.

И потом вдруг спросила мужа своим грубоватым голосом:

— А помнишь, как мы сбивали масло, когда жили у Рагим-аги?

Керим-баба в ответ молча кивнул головой. Айрым-кызы, предвкушая торжество, выпрямилась и сияющим лицом продолжала рассказывать:

— Оба мы тогда были молоды. Он служил чабаном у Рагим-аги, а я доила хозяйских коров, сбивала масло, варила сыр. Кроме него у Рагим-аги было еще пять-

шесть чабанов, все молодые, здоровые, усатые детины. Как-то раз я с чабанами сбивала масло. Жена Рагим-бека Захра-ханум, стоя у входа в алачыг, следила за нашей работой. Клянусь вашей жизнью, я перешеголяла всех чабанов.

Вот и его самого я так уморила, что он, как свалился, так долго еще не мог подняться. Захра-ханум хохотала, глядя на нас, и хлопала в ладоши: «Ну, Керим, не очень-то бахвалься теперь. Айрым-кызы оказалась по сильнее пятерых мужчин!..»

Пока Айрым-кызы рассказывала все это, Керим-баба, сиротливо опустив голову, молча слушал.

Рассказы Айрым-кызы и понурый вид Керим-бабы вызвали всеобщий смех.

Тогда Керим-баба встrepенулся и, выпятив грудь, воскликнул:

— Эх, когда состаришься, нередко приходится выслушивать такие речи. Если бы я умел писать, то записал бы по порядку все подвиги моей молодости. Получилась бы большая пребольшая книга. Но что толку похваляться? Да и можно ли говорить о храбрости женщины? Ого-го! Подоила пять-шесть овец, сбивала масло, приготовила сыр и уж от гордости ее распирает так, что язык не помещается во рту. А вот теперь я расскажу, послушайте.

ОХОТА НА ТИГРА

— Всем вам отлично известно, что в наших борчалинских лесах тигры не водятся. Однако в старину водились. Лет сорок тому назад, в окрестностях нашего села появился тигр. Боясь его, никто не решался ходить в лес. Я услышал, что недалеко от нашего села он задрал трех коров. Тут я больше не мог совладеть с

собой и, взяв ружье, пошел, хотя стрелять в тигра и в орла не люблю: оба они — храбрецы.

Тигр находился на расстоянии одного агаджа от нашего села.

Пройдя через ущелье, я стал подниматься по крутому скалистому склону, что тянулся через всю лесную чащу. Смеркалось. Чтоб не прозевать тигра, я шел, внимательно оглядываясь по сторонам. И что же я увидел? Вдали словно два факела, пылала пара глаз. Смотрю — тигр. И он заметил меня и стал злобно царапать землю лапами. Враг был передо мной, но сердце мое билось спокойно. Я двинулся на него, и вдруг он с диким ревом стал приближаться ко мне. Спрятавшись за уступом скалы, я поднял ружье. У тигра нрав благородный. Нападая, он всегда делает прыжка и, если промахнется, то уходит, будто обиженный. На этот раз он уже дважды бросался на меня, а в третий, наверняка, должен был подмять под себя. Я поднял свое ружье и прицелился ему в грудь. Увидя это, тигр взревел так, что дрогнули леса и горы. У меня потемнело в глазах, волосы стали дыбом. Мне почудилось, что камни, деревья и все вокруг, словно пютые тигры, бросились на меня. Я выстрелил. Зверь растянулся в нескольких шагах от меня у колючего кустарника.

Через две минуты тигр испустил дух. Я подошел к нему с чувством огромной вины. Сердце мое сжалось, глаза затуманились слезами. Отбросив ружье, я опустился возле него на колени и, взяв голову в руки, поцеловал его в глаза.

Когда я, сняв с хищника шкуру, вернулся домой, все соседи окружили меня.

Был на борчалинской земле один удалец, но и его с этого дня не стало, — сказал я им.

С того дня борчалинские леса больше не знали героев. И впрямь, перевелись в наших лесах и тигры и удалцы. Где былые смельчаки храбрецы? — спросил Керим-баба, закончив свой рассказ.

ОТЕЦ КЕРИМ-БАБЫ

Керим-баба снова выпрямился.

— Отец мой тоже был заядлый охотник, — начал он. — Вот что рассказывал он мне: «Однажды отправился я охотиться на оленя. В ущелье мне удалось подстрелить самку. Я зажарил кусок мяса, поел, и, растянувшись на земле у родника, заснул... Проснулся. И что же вижу? Меня окружил такой густой, непроницаемый туман, что и на шаг ничего не было видно.

Я отчаялся вернуться в этот день домой и не мог определить, который час. Кто знает, сколько времени проспал я! Я не знал, что мне делать. Думал, думал, наконец, решил переночевать где-нибудь под скалой и стал подниматься в гору. Я поднимался по такому крутому склону, что выскользнул у меня из-под ног один камень, я полетел бы в пропасть и разбился бы насмерть. К тому же мрак, ни зги не видно. Тут я набрел на пещеру. Недолго думая, я вошел в нее, лег и тотчас заснул. Разбудил меня громкий храп:—«Что это? — подумал я. — Неужели тут еще есть кто-нибудь? Я присел и, шаря в темноте, нащупал хвост какого-то животного. То был тигр. Я уже не сомневался, что благородный зверь бодрствовал, когда я заглянул в его пещеру, и принял меня как гостя. Я, конечно, взволновался, но не струсил. Мне хорошо был известен благородный нрав грозного хищника.

Ночь я провел с тигром. Наутро, едва начало светать, я вышел из пещеры, вернулся к тому месту, где вчера подстрелил олениху и, отрезав ляжку, тихонько бросил ее у пещеры. В то утро я опять поел шашлык из оленины и пошел к деревне. Шел я по тропинке мимо пещеры. Заглянул туда и застыл на месте. Недалеко от пещеры лежал тигр, а около него вертелся волк, помахивая хвостом, как лиса. Сгорая от любопытства, я присел в сторонке и стал наблюдать за ними. Волк то прохаживался по ущелью, то, поджав хвост, осторожно облизывал тигра. А тигр, сохраняя величавое спокойствие, лишь окидывал волка острым, пронзительным взглядом. Я предвидел, — продолжал рассказ отец, — что эта подлая тварь своим коварством погубит тигра. Я было прицелился в него, но потом опустил ружье. Волк покружил по ущелью и снова начал облизывать морду и грудь тигра. Вдруг он изо всей силы вцепился в горло тигра и начал душить его. Несчастный зверь заревел так, что содрогнулись леса и горы. Пометавшись минут пять, этот прекрасный зверь обессилев, затих. Удивительнее всего было то, что волк не только не выпускал горла тигра, но и сам лежал неподвижно.

В том, что тигр был мертв я не сомневался, однако неподвижность волка смущала меня. Взяв ружье, я пошел к пещере. И в самом деле, тигр лежал бездыханный. Как я ни бил прикладом волка, он не шевельнулся. Наверно, и он был мертв. Только тогда я догадался, что волк неожиданно встретился с тигром, когда тот отдыхал в ущелье, и поняв, что ему не миновать когтей тигра, пустился на хитрость, чтобы спастись. Но в этой схватке сердце его не выдержало, разорвалось, он околел. Как я ни старался, но не мог разжать челюсти волка, сомкнутые в мертвой хватке.

Не видя другого выхода, я вынул свой кинжал и

перерубил волку зубы. Мне было досадно, что такой смелый зверь стал жертвой хитрости и коварства этого подлого трусливого животного. Но что поделаешь? Проявление коварства и измены не были каким-то новым явлением в жизни, они совершались и будут совершаться без конца.

Чтобы сохранить память об этом предательском поступке, я снял с тигра шкуру и принес ее домой.

Так говорил мой отец. Теперь шкура эта у меня, она досталась мне в наследство от отца.

СОБАКА КЫЗЫЛ

У Керим-бабы была собака, звали ее Кызыл. Ни днем, ни ночью не отходила она от нашего алачыга. Я не любил собак кочевья, так как из страха перед ними и шага не мог ступить спокойно. Еще издали завидя меня, они с громким лаем бросались навстречу. Надеюсь приручить Кызыл к себе, я усердно кормил ее хлебом, и все-таки стоило ей заметить, что я выбегаю из алачыга, как она начинала хрипло лаять, омрачая мне всякое удовольствие. За это я прямо-таки возненавидел Кызыл. Однажды, когда я выходил из алачыга, Кызыл с лаем бросилась на меня. Я палкой отогнал ее. Керим-баба не раз замечал, как я дубасил Кызыл и, хотя ничего мне не говорил, но я чувствовал, что это ему не по душе. Но на сей раз, когда я ударом палки погнал собаку, он подошел ко мне.

— Не бей ее, сынок! — сказал он. — Это мой верный друг. Он сделал мне больше добра, чем иной брат. Ты видишь, она уже стара, а было время, когда из страха перед ней и птицы боялись пролететь над нашей кровлей. Мне давали за нее пятьсот рублей, но я не отдал. Каждого ее щенка я продавал за тридцать — сорок

рублей. Если бы ты только знал, какая это храбрая и умная собака, ты не тронул бы ее!

Керим-баба погладил собаку и потом, повернувшись ко мне, продолжал:

— Как-то осенней лунной ночью овцы паслись на холме, а я лежал, растянувшись на камне. Кругом было тихо, овцы мирно щипали траву, и я незаметно заснул. Проснулся я в кромешной тьме. Густой туман окружил меня. Схватив дубину, я начал метаться во все стороны — искать стадо, но его и след простыл. Я окликнул Кызыл, но и она не отозвалась. Всю ночь я проплутал, сам не свой от страха и тревоги. Только мысль о Кызыл подбадривала меня. Я знал, что она ни за что не бросит стадо. Уже рассвело, когда я продолжая свои поиски, поднялся на вершину высокой горы и стал внимательно вглядываться вниз. Все кругом было подернуто туманом.

— Кызыл! Кызыл! — крикнул я и услышал в ущелье хрипкое рычание. Я бросился вниз. Согнав стадо в расщелину скалы и стоя у дороги, Кызыл громким лаем звала меня. Я кинулся к ней. Собака, подбежав, радостно лизала мне руки. Я сразу увидел, что в ущелье валялись три мертвых волка. Это, Кызыл, спасая овец от нападения, загрызла их. Я крепко обнял собаку, осыпал поцелуями ее морду и глаза. Потом я зарезал самого жирного барана и, отрезав курдюк, бросил его Кызыл. — Теперь ты понял, что это за собака? Это не собака, а лев, — заключил Керим-баба, лаская Кызыл.

После этого я всячески старался завоевать симпатию Кызыл, и вскоре мы стали закадычными друзьями.

Мы с Керим-бабой сидели под грушей. Я играл камешками, собранными в ущелье, а Керим-баба, тихо посвистывая, строгал зеленую ветвь в несколько вершков длиной. Я догадался, что Керим-баба решил смастерить какую-нибудь вещичку. Я начал приставать к нему, и он, усмехнувшись в пушистые, седые усы, сказал: — Свистульку для тебя делаю!

— А что такое свистулька? — спросил я.

— Свистулька поет, как птичка. С нею ловят соколят.

Придвинувшись к нему ближе, я не сводил глаз с его рук. В середине палочки он вырезал круг и в отверстие положил свежую травку, прикрыв ее куском коры.

— Смотри; вот свистулька! — проговорил он, радуясь точно ребенок приложил ее к своим толстым губам и заиграл. Глаза его заблестели от удовольствия.

Когда я вырвал у него свистульку, он сказал:

— Вот такими звуками приманивают соколят...

Теперь играть начал я, а Керим-баба учил меня и довольный своими познаниями бросал на меня горделивые взгляды.

— А как же ловят соколят? — спросил я.

И Керим-баба рассказал мне:

— Соколы вьют гнезда на макушках высоких деревьев, у воды. Едва успевают птенцы вылупиться, как их родители, напившись крови убитых ими птиц, прилетают в гнездо и поят ею своих птенцов. Когда птенцы немного подрастут, сокол выщипывает у убитой птицы перья и, прополоскав ее в воде, разрывает на куски и кормит птенцов, а когда они, оперяясь, начинают летать, сокол у самого гнезда выпускает вдруг из когтей схваченную добычу. Только та, почувствовав себя на

свободе, собирается взлететь, как соколята набрасываются на нее и разрывают на части. Вот как приучают детей к охоте. В это время они опасны даже для матери. Она остерегается подлетать к гнезду: птенцы могут напасть и на нее. Прилетев с добычей, мать садится на ближнее дерево, и кличет детей. Потом выпускает жертву, а сама улетает прочь.

В это время охотники и ловят соколят. Расставив неподалеку от соколиного гнезда сеть, они сажают в нее курицу, куропатку или какую-нибудь другую птицу.

Спрятавшись в шалаше из ветвей кустарника, и держа в руках веревочку от сети, птицелов начинает играть на свистульке. Соколята думают, что это мать принесла им добычу, бросаются на птицу в сети. Когда охотник быстро дергает за веревку, силок залопывается — и соколята пойманы. В эту пору они очень злы. Увидев себя в неволе, они или тут же умирают, или, оставшись в живых, с трудом дают себя приучить. Поэтому приходится зашивать им веки. Помогив их дня два-три голодом, начинают понемногу кормить их мясом. Когда же соколенок привыкает, ему разрезают нитки на веках.

Со временем злобность соколят проходит, и в конце-концов они привязываются к своим хозяевам. А относятся с ними так: берут соколов, гончих, лягавых и выезжают на охоту. Собаки, забравшись в кусты, подымают дичь, а соколы нападают на вспугнутых птиц.

КАК КУРОПАТКА СПАСЛАСЬ ОТ СОКОЛА

Был жаркий сентябрьский день. Стадо, пастухи и собаки укрылись в тенистом лесу. Мы лежали в алачуге. Пестрая хохлатка, собрав вокруг себя цыплят, возилась в тени грушевого дерева. Внезапно она тревожно закудаhtала. Цыплята с писком разбежались по кустам.

Какая-то птица, камнем упав сверху, спряталась в алачуге под сложенные горкой постели.

Над алачугом зашумели крылья. Мы в недоумении выбежали. Хищная птица широко раскрыв крылья и низко паря окидывала нас злобным взглядом горящих глаз.

То был сокол.

— Как бы он не уташил цыплят! — крикнула мать и, схватив длинную палку, с криком принялась гнать сокола.

Мы бросились к птице, спрятавшейся в алачуге. Мой старший брат, опередив нас, вытащил ее из-под одеяла. Он радостно прыгал и кричал:

— Поймал, поймал! Это — куропатка...

— Дай, дай посмотреть, — приставали мы, обступив брата.

В алачуг вошла мать. Увидав куропатку, она сказала:

— Бедняжка! Спасаясь от смерти, она влетела в алачуг. Несчастное создание. Только что избежав когтей хищника, бедная птица попала к нам в руки. Куропатка судорожно вырывалась и клевала нам пальцы.

— Я свяжу ей крылья, — заявил брат.

— Нет, сынок, — остановила его мать. — Эта птица

Ее сердечко готово разорваться от страха.

Мы почувствовали глубокое сострадание к птице. Решив выпустить ее на волю, мы вышли во двор. Паривший в небе сокол все еще был виден. Устремив вверх маленькие глазки, наша пленница как-будто хотела убедиться, что ее врага нет.

— Ну, лети, — крикнул брат и выпустил птицу. Выпорхнув из его рук, она стрелой метнулась ввысь и скрылась в лесной чаще. Мы долго глядели ей вслед.

МОЙ ДРУГ РЗА

Из всех дней недели больше всего я люблю четверг, потому что по четвергам приезжал из города отец. Усевшись на вершине холма, я с нетерпением ждал его.

Наступал вечер. Я бродил по кочевью. В этот день один из сельчан, ходивший в город продавать молоко, вернулся оттуда раньше обычного. Завидя его издали, я бросился к нему и стал расспрашивать об отце. Держа губку в зубах и попыхивая дымом, он с лукавой усмешкой посмотрел на меня.

— Отец твой сегодня не приедет, он занят.

Эти слова огорчили меня. Опечаленный, я повернул обратно.

— Эй ты, послушай, я пошутил, он приедет. Я выехал раньше его! — крикнул мне вдогонку крестьянин. Не обернувшись и ничего не сказав, я продолжал идти.

Собирая свои золотые волосы, рассыпанные по долам и лесам, солнце медленно скрывалось за горами. Тени от деревьев начали удлиняться. Стада с громким блеянием спускались с холмов к кочевью. Присев на пригорок, я любовался всем, что окружало меня и

прислушивался к вечерним звукам. У нашего алачыга слышалось конское ржанье. Обернувшись, я увидел отца.

Я помчался, не помня себя от радости, и повис на шее отца. Я обрадовался еще больше, когда увидел, что он привез с собой моего друга Рзу. Да и как мне было не радоваться? Ведь теперь у меня был товарищ, которому я мог показать своих цыплят, свои роднички.

Наскоро выпив чай, мы побежали осматривать мои владения. Начав с курятника, мы обошли роднички и терновые кусты.

Потом пошли на кочевье, забрались в стадо и стали играть с ягнятами.

Было уже совсем темно. Редкий туман, спускаясь с гор, стал заволакивать ущелье и лес. Небосвод был чист, несколько тучек на севере казались островками в море. Взявшись за руки, мы побежали домой.

СЕНЮКОС

Играя ранним утром у алачыга, я увидел детей с мисками и чашками в руках бегущих к ущелью.

— Намаз, Намаз, куда это вы? — крикнул им вслед мой брат.

— За земляникой! — бросил на ходу Намаз.

Мы пустились вдогонку за ними и скоро настигли их.

Миновали ущелье. По узенькой тропинке вскарабкались наверх. Не успели мы пройти двухсот шагов, как уловили лязг и стук кос. Мы помчались еще быстрее и скоро были на лугу. Стоя в ряд, косари косили сочную траву, доходившую до пояса. Женщины складывали сено в стога.

Вплотную к лугу подходил густой лес. Как тут могло удержаться? Мы устроились в тени деревьев и вели земляники. А потом со смехом и шутками бродили в стог свежескошенной травы.

Один из косарей, взмахнув косой, задел большой куст бурьяна. Из него выскочили крошечные птенчики с писком, хлопая крылышками, скрылись в густой траве. Мы кинулись за ними. Косарь нагнулся и, подняв маленькую птичку, протянул мне. Я взял ее с восторгом. Когда я разжал пальцы, то увидел, что она в крови.

— Ой, что это? — вскричал я и бросил птичку. Обе лапки бедняжки были срезаны косой. Я смотрел на свои окровавленные пальцы, то на бедную птичку, ептавшую в траве..

— Несчастная, — произнес я, переполненный жалостью.

Все смотрели на пищавшую птичку, ползавшую по лючей, скошенной траве.

Я уже не мог успокоиться, радость моя была омрачена. Через час мы вернулись в кочевье.

С тех пор прошло много лет. Но я до сих пор помню тот случай, потрясший мое детское воображение.

ЛИВЕНЬ

Сидя недалеко от алачыга, под грушевым деревом, еще беседовал с Керим-бабой. Взглянув на небо, Керим-баба вдруг сказал:

— Да сохрани и помилует нас аллах! Все мы были озадачены.

Указывая своей морщинистой рукой на небольшую тучку, как змейка, тучку на севере, он пояснил:

— Вот видите ту черную тучку. Она злая. Быть же!

— Но эта туча так далеко, что вряд ли может причинить нам вред, — недоверчиво заметил отец.

Покачив головой в мохнатой папаше, Керим-баба принялся внимательно вглядываться в тучу.

— Эту тучку называют шалуньей, она носится повсюду, но нигде не задерживается надолго. А уж если прольется дождем, то оглянуться не успеете, как смоем все вокруг. Эта туча пугает меня. На всякий случай надо быть наготове. Пойду прочищу рвы и канавы вокруг алачыга.

Мы с отцом вошли в алачыг, сели ужинать и, так как сильно устали за день, легли спать пораньше.

Я помню, как отец поднял меня сонного на руки и начал укладывать на ворох сложенной постели. Я раскрыл глаза, разбуженный страшным шумом, огляделся. Отец и мать стояли посреди алачыга. Отец держал в руках люльку с моим маленьким братцем Асатуллой, а мать — младшую сестренку. Дождевые потоки неслись, грозя смыть наше непрочное убежище. Над нашими головами ливень хлестал по войлоку. Вот все, что я запомнил из событий этой страшной ночи. Сон снова сомкнул мои отяжелевшие веки. Когда я проснулся, сияло солнце. Я выбежал из алачыга. Воздух был так чист и свеж, так прозрачен, что казалось все вокруг приветливо улыбается человеку.

Дождевые капельки, свисавшие с лепестков цветов как алмазы сверкали в золотистых лучах солнца.

Сидя на омытых дождем зеленых ветвях и расправляя крылышки, птицы грелись под утренним солнцем, наполняя все вокруг веселым, звонким щебетом.

Мать с помощью Айрым-кызы вытаскивала из алачыга промокшие насквозь вещи.

— Бог с ним, с таким зйлагом, — ворчала она. — Как будто не нашлось другого места. Что это за жизнь? Все до последней нитки промокло. Я не спала всю ночь. Она долго не могла успокоиться.

— Глупенькая, — пробовал урезонить ее отец, — на

то и эйлаги в горах. Не печалься. В этом тоже своя прелесть.

— Ах, не надо мне такой прелести. Вам это, конечно, нипочем, вы с детства привыкли к такой жизни.

Рассерженная мать намекала на крестьянское происхождение отца.

Вспомнив про своих цыплят, я кинулся к курятнику. Я отодвинул камень и увидел — курятник был полон воды.

— Утонули мои цыплята! — заорал я во весь голос. Меня окружили.

— Мы-то ночью не вспомнили про них!
— Я, правда, вспомнила, но разве до того было? — призналась мать, — самим надо было спасаться.

Протянув руку в курятник, я вытаскивал своих утонувших цыплят.

— Ох, да пронзит стрела дурной глаз, — воскликнула мать. — Бывало, кто ни увидит их, сейчас же спросит: — «Чем это вы их кормите? Они прямо лопаются от жира». Вот и сглазили. Я знала, что рано или поздно это плохо кончится. Но не горюй, сынок, они унесли с собой все твои беды и недуги.

ОТВАЖНЫЙ МАЛЬЧИК

К востоку от нашего кочевья тянулась гряда крутых скал, за ней вверх по склону темнел лес. Ущелье было завалено грудой острых камней, там было много страшных мест.

Сельчане уверяли нас, будто там водятся медведи, и поэтому мы боялись ходить туда.

Был полдень. Внезапно по кочевью пронесся крик: — На Дурсуна напал медведь!

— Медведь напал на Дурсуна!
Схватив колья, ружья, топоры и ножи, и кликнув собак, все крестьяне побежали к ущелью. Мог ли я

идеть на месте? Я побежал вслед за ними. Керим-баба тоже был там, чего же мне было бояться? Мы неслись, словно на приступ. Миновав ущелье, мы стали подниматься к тому месту, где по слухам, водились медведи. Собаки с лаем бросились наверх. Все стали торопливо забираться на гору. И вдруг навстречу нам с ружьем в руке спокойно вышел сам Дурсун.

— Я уложил его наповал, попал прямо в грудь! Мальца! Он чуть не разорвал меня, — сказал он.

Все наперебой стали расспрашивать его. Оказалось, что отважный мальчик, бродя с ружьем по ущелью, случайно подошел к берлоге, возле которой медведица гуляла со своими медвежатами. Завидев Дурсуна, медведица бросилась на него. Дурсун побежал. Медведица погнала за ним. Наконец, почувствовав, что бежать вниз по скалам будет очень опасно, мальчик овладел собой, перенулся, прицелился медведице в грудь и выстрелил. Медведица свалилась наземь.

Не успели мы дойти, как собаки кинулись на медведицу.

Раненый зверь хватал собак и так сжимал лапами, что у них хрустели кости, и они неистово визжали. С большим трудом крестьянам удалось отогнать собак от медведицы.

Медведица выбилась из сил. Один сельчанин метким выстрелом прикончил ее. Тогда все хлынули к берлоге. Это была маленькая пещера. Два медвежонка прижавшись друг к другу, испуганно смотрели на людей. Внутри пещера была устлана мхом и мягкой древесной корой. Видно было, что медведица хлопотала, не щадя своих сил, и устала пещеру словно ковром.

Наконец, она не пожалела и жизни ради своих детенышей. Бедных сирот вытащили из берлоги и поместили в кочевье.

И сколько еще сохранилось в душе воспоминаний о приключившейся жизни среди щедрой природы!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стихи

Река Кура (пер. А. Ахундовой)	4
Гвоздика	5
Осень (пер. Ю. Фидлер)	6
Пастушок (пер. А. Ахундовой)	6
Соловей (пер. А. Ахундовой)	8
Петух (пер. Ю. Фидлер)	8
Кѳзел (пер. Ю. Фидлер)	8
Барашек (пер. А. Ахундовой)	10
Игра в мяч (пер. А. Ахундовой)	11
Вот мы какие (пер. Ю. Фидлер)	11
Песня кузнеца (пер. Ю. Фидлер)	11

Сказки

Тук-тук ханум (пер. Ю. Фидлер)	14
Кто хитрей	20
Лиса отправляется в Мекку	31
Труд и Красота	42

Рассказы

Письмо не дошло (пер. Ю. Гранки)	5
Кочевка	5

Для младшего возраста

Талыбзаде Абдулла

ВОТ МЫ КАКИЕ

Стихи, сказки и рассказы

(На русском языке)

Редактор И. Новинская. Художник Б. Хананов. Художественно-технический редактор Х. Сафарова. Корректор Р. . .

С. Шатилова.

ИБ № 1345

Сдано в фотонабор 4.02.83. Подписано к печати 12.10.83. Формата № 2. Печать офсетная. Гар. Литературная. Усл. п/л 3,67. Усл. раж 40000. Заказ № 413. Цена 25 ко . . .

× 108¹/₂
1,02. 13д/л. 5

Государственный Комитет Азербайджанской ССР по делам Издательств, Полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Гянджлик». Баку, ул. Гуси Гаджиева, 4.

Топография имени 26-ти Бакинских комиссаров, Баку, ул. Али Байрамова, 3.

25 коп.

